

Проза О.М. Сомова: организующая роль хронотопа в создании поэтики фантастического

В моделировании ирреального художественного мира сомовской прозы значительную роль играет хронотоп. Здесь, прежде всего, существенны оппозиции «свой – чужой», «наш мир – иной мир». Наличие ирреальных сил предполагает и определенную этико-психологическую нагруженность сюжета: между мирами обычно проходит жесткая граница, переступить которую опасно. «Свой» топос, как правило, ограничивается масштабами дома, усадьбы, сельской общины. Дом – это защита, безопасность, укрытость. Он связан с реальным миром, с повседневной жизнью и бытом человека. А нечистая сила в произведениях Сомова, в полном соответствии с древними поверьями, находится на границе или за пределами этого пространства: на крыше, в подполе, за печкой. В еще большей степени с «иным миром» связан топос реки, леса, горы, кладбища.

В рассказе «Кикимора» демонологический персонаж остается невидим для людей, но девочка Варя иногда замечала кикимору в облике кошки: «Кошка эта... бессменно сидела *за печкой*, в большой печуре, и когда Варе случалось проходить мимо ее, то кошка... скалила зубы, помахивала хвостом около шеи и протягивала к девочке длинную мохнатую свою лапу с *страшными железными когтями*, которые как серпы высывались из-под пальцев» [1: 221]. Пограничное расположение нечистой силы (*за печкой*, но все же *в доме*) вызывает раздражение у хозяев, которые «как люди набожные не хотели терпеть у себя в дому никакой нечисти». Хозяевам, хоть и не сразу, удалось одержать победу «на своей территории», и «свой мир» снова стал безопасным.

Характерной чертой поведения многих персонажей Сомова является преодоление ими границы, разделяющей мир живых и мир мертвых. «В народной культуре, – отмечает А. Гольденберг, – общение покойных предков и их потомков было строго регламентировано. Оно связано с культом предков, души которых в определенные народным праздничным календарем дни почитают, приглашают в гости. Тех, кто явился в неурочное время, боятся, выпроваживают, стараются защититься от них» [2: 10].

Поэтому не всегда столь благополучно складываются судьбы героев, когда человек пересекает границу и углубляется в «иной», «чужой» мир. Горпинка, героиня «Русалки», полюбила «ляха-иноверца» (т.е. «чужого») и пошла просить помощи у *колдуна*, который жил «за Днепром, в бору, в глухом месте». Далее мы видим ее уже в облике

русалки-утопленницы, принадлежащей «нижнему» миру, куда человек уходит только после смерти – раз и навсегда. Попытка матери вырвать ее из иного мира и вернуть в свой не только оканчивается неудачей (дочь мертва в доме и оживает только среди русалок), но и рассматривается как грех, который необходимо искупить: «Старуха, мучась совестью, положила на себя тяжкий зарок: она пошла в женский монастырь в послушницы, принимала на себя самые трудные работы, молилась беспрерывно и, наконец, успокоенная в душе своей, тихо умерла, оплакивая несчастную дочь свою» [1: 142-143].

В сказке «Оборотень» Артем, сын старика Ермолая, желая узнать секрет оборотня, уходит за отцом «*в самую чащу леса*». Став волком, Артем решил подшутить над своими сверстниками и пошел в село. Но переход из «другого мира» в этот едва не закончился для героя плачевно: село, крестьянская община – не то место, где может разгуляться нечистая сила. Крестьяне обступили волка, образовав своего рода локус, «круг безопасности»: «Люди все стояли в кругу и прорваться сквозь них никак нельзя было». Впрочем, в данном случае сюжет с приключениями Артема оборачивается комической стороной.

В «Сказке о Никите Вдовиниче» мальчик Никита прячет выигранные бабки в самом логове нечистой силы – на кладбище. Примечательно, что и в этом ярко маркированном «чужом» топосе герой ищет безопасное («свое») пространство – могилу отца: «Видно, Никита, хоть и слыл дурачком и служил посмешищем всему соседнему миру, а был-таки себе на уме: небось не стал же рыться в чужой могиле! Он смекнул, что и после смерти *свой своему поневоле друг*» [1: 314]. Мастерство, удалство, смелость Никиты позволяют ему (не без помощи умершего отца) одержать победу над покойниками «на их территории». Однако в финале «Сказки» подосланный чертенок Чет-Нечет отбирает у сына Никиты волшебную черную бабку и все те блага, которые она приносила, восстановив таким образом равновесие между «тем» и «этим» мирами.

Не менее неудачна попытка пересечь границу между мирами в истории гусара Прытченко («Сказки о кладях»). Захотев разбогатеть, герой, по совету колдуна, отправился с отцом и братом в лес искать «папоротников цвет». Чем дальше они заходят в лес, тем больше «иной мир» сопротивляется этому вторжению. Сгущается темнота («как будто бы густой пар туманил нам глаза и отсекал у нас дорогу») и нарастают звуки *иного* мира: «Только что мы вступили в лес – вдруг поднялись и крик, и вой, и рев, и свисты... Чем далее шли мы по лесу, тем слышнее становились все эти крики, и стоны, и визг, и свисты; мало-помалу смешались они в нескладный шум, который поминутно становился громче

и громче...» [1: 179-180]. Вообще темнота в произведениях с мистическим сюжетом сочетается либо с *мертвой* тишиной, либо с бурей, шумом, свистом, т.е. звуками *иного* мира. Обычные звуки мирной жизни и повседневной человеческой деятельности, как правило, мистическому пространству не присущи. Но в рассматриваемом случае «гул» и «рев» не просто характеризуют ирреальное пространство, но и являются средством изгнания людей за пределы «другого» мира.

В цикле о гайдамаке место обитания разбойников – лес, овраг, река – сближает их, как уже было сказано, с нечистой силой. Вот куда попадает «честный еврей» Гершко, надеясь задешево купить товары у «купцов»: «Шайка кочевала *при дуброве*, в месте пустынном, над глубоким, крутым *оврагом*, примыкавшим к самому *берегу Эсмани*» [1: 30]. Здесь пересекаются топосы, маркированные принадлежностью к «иному» миру – лес, овраг, река. Как представляется, не случайно из всех предложенных вариантов казни разбойники решают предателя Гершко именно утопить в реке.

Пространственное развертывание сюжета здесь сопровождается достаточно сложными этическими характеристиками. «Честного еврея» сгубила собственная корысть. Именно она толкнула Гершко на предательство, а затем побудила его углубиться в «чужой» топос в стремлении купить дешевых товаров. Даже перед лицом смерти, когда проходящий мимо старец Питирим пытается вмешаться и едва не спасает еврея от гибели, жадность Гершко берет верх:

«Бедный Гершко, чувствуя, что его не держат, упал к ногам монаха, обнимал его колена, стирал лицом пыль с его ног и заклинал спасти ему жизнь.

– Я сделаюсь христианином, – говорил он с плачем, – отдам на ваш монастырь все... все, что имею, очень немного: несколько серебряных монет...

Инок, не могши победить внутреннего презрения к человеку, в котором корыстные склонности пересиливали даже мысль о самохранении, невольно отвратил от него лицо свое» [1: 32]. И разбойники, уже почти согласившиеся с увещеваниями инока, передумывают и довершают казнь.

Как видим, в этической оценке топоса и протекающих в нем событий есть определенная сложность и противоречивость. Сочувствие жертве, осуждение разбойничьих планов гайдамаков переплетаются с презрением к жадности и требованиями мести за предательство. Противостояние «наш мир» (старец Питирим) – «чужой мир» (разбойники) разрешается в пользу последнего.

Если в цикле о гайдамаке художественное пространство в целом представлено как реальное (с налетом «странно-необычного»), то в повести Сомова «Киевские ведьмы» мир четко делится на «этот» и «иной». Переход главных героев (ведьмы Катруси и ее мужа Федора) из одного мира в другой происходит через печную трубу – важный элемент топоса дома [3]. Печная труба, как указывает словарь «Славянская мифология», это «специфический выход из дома, предназначенный в основном для сверхъестественных существ и для контактов с ними» [4: 310].

Полеты на шабаш – один из стержневых мотивов в комплексе славянских поверий о ведьме [4: 72]. Согласно народным представлениям, ведьма перед полетом мажет себя жиром крота; в литературных источниках обычно речь идет о волшебной мази. В повести Сомова Катруся «поспешно натирается какою-то мазью и улетает в трубу».

Героиня, перед тем как полететь на шабаш, совершает определенный обряд, связанный с печью: бросает в кипящий котел «снадобья» и приговаривает вполголоса «*странные, дикие для слуха слова*». Странность, принадлежность иному миру, находящемуся за пределами человеческих отношений, подчеркивается автором и в наборе «снадобий» (кости и волосы, сушеные нетопыри и жабы, змеиная кожа, волчьи зубы и т.д.), и в звуках, сопровождающих колдовской процесс («странные, дикие для слуха слова», «писклявый и резкий голос, похожий на визг железа», звуки бури, грома, дождя). Примечательно, что вся эта «странность» и страшность является таковой лишь в восприятии человека, принадлежащего «этому миру» (в нашем случае это Федор Блискавка, тайком наблюдающий за превращением жены в ведьму). Но как только Федор пытается проникнуть в потусторонний мир и сам совершает тот же самый обряд, все эти звуки перестают быть для него «иными»: «После сего он пришел в какое-то исступление ума, ощутил в себе непомерную отвагу... над ним и буря злилась, и дождь шумел, и гром гремел – но он уже ничего не боялся» [5: 103]. Тем не менее, пересечение запретного для Федора топоса печной трубы приводит к гибели героя.

Местом сборищ нечистой силы в повести «Киевские ведьмы» традиционно является гора, обозначающая в славянской мифологии иной мир [4: 34]. Нечистая сила замечает присутствие на Лысой горе «чужого», и хотя Катруся помогает ему бежать с шабаша (сунув под него лопату и отправив в Киев по воздуху, что, по-видимому, отождествляет ситуацию с пищей, помещаемой в печь на лопате, и опять связывает героя с топосом печной трубы), все же Федор обречен и на рассвете умирает.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что от вторжения

Федора в иной, запретный, мир страдает и он сам, и персонажи потустороннего мира: гибнет Федор, сгорает дотла его хата; ведьмы сжигают на костре Катрусю, ее мать исчезает из Киева, а Лысая гора становится свободной от нечисти.

Места с нечистой силой/разбойниками часто противопоставляются локусам, связанным с церквями, монастырями и т.д. (т.е. с благочестием). Мать Горпинки («Русалка») после трагичного столкновения с потусторонним миром ушла послушницей в женский монастырь замаливать грехи, инок старец Питирим пытался вмешаться в казнь разбойниками предателя Гершко («Гайдамак»), гусар Прытченко, вместе с отцом и братом, неудачно попытавшись добыть «папоротникову цветку», каждый год по совету отца Герасима «ходил в Иванов день к обедне, молился усердно за упокой души своего отца и постился целые сутки за старые свои грехи».

Рассказ «Купалов вечер» напрямую связывает гибель Кончислава от рук русалки Услады с тем, что витязь отверг в душе своей «приветные призывы Благочестия». Кончислав уехал на чужбину из языческого Киева, а вернулся в Киев православный. «Грешное сомнение и презорливая гордость закрались в душу витязя. Он думал: «Когда Князь и все люди Киевские изменили старым богам своим, то Кончислав один останется им верен»» [5: 93]. Кончислава девушки приглашают на языческие празднества в Купалов вечер не случайно. Услава поясняет: «Мы все держимся старой веры и ушли сюда из стольного Киева, чтобы здесь на приволье скакать через зажженные костры и плясками праздновать нашего бога. Знаем, витязь Кончислав, что и ты из наших: кроме тебя, все витязи отступились от веры отцовской» [5: 93]. Таким образом, иной мир, мир демонических существ, которому принадлежит русалка, коррелирует с миром языческим и противопоставляется миру христианскому.

Чужой мир – это не только пространство, но и соответствующее время действия. Писатель разворачивает сюжеты, как правило, в русле традиционных представлений о времени господства темных сил: это ночь/мрак, буря, ненастье. «Дул сильный холодный ветер; дождливые облака разносились по небосклону; луна то выплывала из-за туч, то пряталась за мрачными их грядками» – в такую пору Гершко пробирается в стан разбойников («Гайдамак»). «Пустим его греться по месяцу», – решает гайдамак Товпега, имея в виду утопить предателя, привязав к нему жернов. В примечании автор указывает, что это народное поверье в Малороссии: утопленники выходят в лунные ночи из воды и «греются на лучах луны». По ночам, до крика петуха, играет с мертвецами в бабки Никита («Сказка и Никите Вдовиниче»). Кикимора выходит с Варе,

когда все спят («Кикимора»), Катруся («Киевские ведьмы») летает на шабаш на исходе месяца ночью (непременное условие – тайна от окружающих; необходимо, чтобы возможные свидетели спали) и название рассказа «Купалов вечер» также сразу указывает на время суток.

Кроме того, художественно осмысляя проблематику многих произведений в русле народной обрядовой культуры, Сомов разворачивает их действие на фоне или в преддверии *праздника*. Накануне Ивана Купала происходят события, связанные с поиском «папоротникова цветку» гусаром Прытченко («Сказки о кладах»). К этому же празднику отсылает нас рассказ «Купалов вечер». А попытки старухи выволить свою дочь из племени русалок («Русалка») приурочены к последнему дню так называемой *зеленой недели*. Нужно отметить, что *зеленая неделя* (другие названия праздника – Русалочья неделя, Семик) – это старинный русский женский обрядовый праздник, проходящий в июне. Считалось, что на Семик, т.е. в июне, когда становится тепло, русалки появляются на берегах рек, в лесах и рощах и качаются на ветвях деревьев. С этим праздником связаны отголоски древних обрядов изгнания и проводов русалок [6]. Что касается сюжетов таких нефантастических произведений, как «Гайдамак», «Сватовство», «Приказ с того света», то они протекают в особом праздничном локусе (ярмарка, свадебные обряды). Здесь наблюдается прямой выход на карнавализацию как одну из существенных черт художественного мира прозы Сомова.

Библиографический список

1. Сомов О. Были и небылицы; сост., вступ. ст. и примеч. Н.Н. Петруниной. М.: Советская Россия, 1984.
2. Гольденберг А. Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: автореф дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.
3. Сковорода Е. Печная труба, «составляющая» балладного топоса дома, в структуре русской романтической фантастической повести О. Сомова «Киевские ведьмы» // Забытые и второстепенные писатели XVII – XIX веков как явление европейской культурной жизни. Т. 1. Псков, 2002. С. 240-244.
4. Славянская мифология. Энциклопедический словарь; А. Гура, Н. Толстой, В. Топоров. М., 1995.
5. Сомов О.М. Купалов вечер: избр. произведения. Киев, 1991.
6. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Репринт. изд. 1880 г. М., 1989.